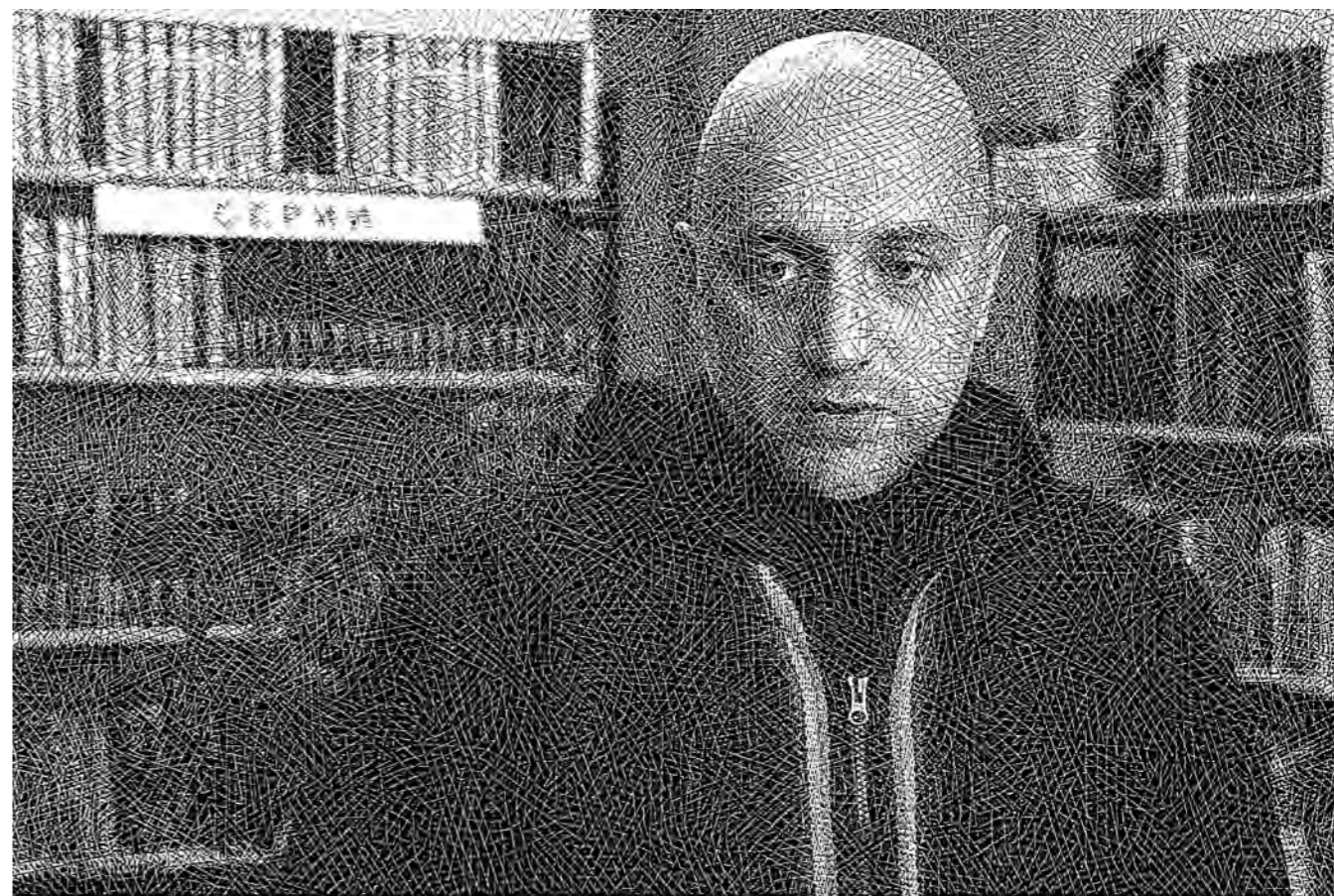

Золотые перья России-2

*Устроители литературного фестиваля «Открытая книга» (учрежденного физико-математическим лицеем № 31) вновь провели в «Библио-Глобусе» встречу читателей с писателем Захаром Прилепиным, который на сей раз привез с собой блестящих столичных гостей: романистку Марину Степнову и критика Андрея Архангельского. Ну а **БК** подобные тусовки, естественно, доставляют неизъяснимое наслаждение...*

Захар Прилепин:

Сегодня я представляю Андрея Архангельского, который заведует отделом культуры в журнале «Огонек», колумнист ресурса «Взгляд», да и вообще несет полную ответственность за нынешнее культурное состояние России. Мы с ним постоянно спорим по разным поводам, но все же, надеюсь, остаемся добрыми приятелями. И рядом с ним — Марина Степнова. То, что о ней скажу, — это я придумал не в качестве грузинского тоста, а уже неоднократно описывал во многих своих текстах и газетных статьях. Все потому, что ее роман «Женщины Лазаря» стал для меня одним из сильнейших читательских впечатлений, от которого я до сих пор не отошел. Роман как бы поставил такой своеобразный забавный «рекорд» — вошел в шорт-листы всех четырех литературных премий России: «Национальный бестселлер», «Большая книга», «Ясная поляна» и «Русский букер». Я прогнозировал в «Новой газете», что Марина получит одну из премий (через месяц после встречи роман занял 3-е место в «Большой книге» — *Прим. ред.*), потому что роман заслуживает признания. Через призму семейной саги, любовные отношения в нем подается абсолютно все. Вот почему Ленин называл Льва Толстого «зеркалом русской революции», хоть великий романист о революции ничего не писал,

но, например, все описанное в «Анне Карениной» есть идеальный слепок существующего порядка вещей в обществе: ценности, традиции, социальный диссонанс... И в «Женщинах Лазаря» история XX века и постсоветская реальность переданы очень точно. Моей «лево-ориентированной» душе было радостно, что в романе не сводятся счеты ни с каким временем — ни с советским, ни с постсоветским. Это просто «роман о людях», которые жили в сложносочиненной, трудной эпохе и через советское, сталинское, нынешнее время пронесли сквозь свое человеческое достоинство человеческую суть. Это очень важно. Последние 25 лет мы занимались только одним: рассказывали, какая у нас была гадкая советская власть, совершенно забыв, что в это время жили люди, которые всей полнотой чувств ощущали это «бытие», радовались ему... И это все нашло адекватное выражение в книжке. Марина, поздравляю тебя...

Ну и о себе. Здесь лежит некоторое количество моих книг. Одну из них я даже еще не видел. Она, видимо, составлена Львом Пироговым, есть такой литературный критик, довольно мрачный тип, — и он издал книгу «Русские Russian». Здесь собраны рассказы десятка русских писателей о том, что сейчас представляет русский народ:

как он чувствует, чем занимается, какой у него внешний и внутренний вид. Я за эту книжку не отвечаю — потому, что не я ее составитель... Я составил другую — «14». Выпустив антологию мужской прозы под названием «10», я решил издать и женскую прозу. Но выяснилось, что хороших писателей-женщин больше десяти, — и пришлось сделать «14». Очень сложно разобраться во всем хаосе литературного пространства современной литературы, но я отобрал самое лучшее. Марина здесь тоже присутствует, а еще Майя Кручевская, Аня Козлова (автор сценария сериала «Школа» Гай Германики) и т.д. На эту книжку ополчились некоторые литературные критики и критикессы. Кстати, с мужской прозой все было нормально, типа «собрал Прилепин мужиков своих, товарищей — и издал». А по поводу «женской антологии» тут же начались вопли феминистски настроенных представительниц литературно-критического мира. «Да как вы посмели собраться в это «прилепинское гетто», — обращались они к писательницам. — ... Вы разве не знаете, что нет разделения на «женскую и мужскую» литературу? Бывает только Проза! И почему вы освещаете какие-то несчастные чудовищные семейные проблемы? Вы что, не знаете, что за последние тридцать лет женщина стала иной, ей мужчины уже не нужны, она — свободный человек!» А дело в том, что сквозная тема в «14», проходящая через весь сборник, — с современными русскими мужчинами происходит странная и чудовищная вещь: они «переводятся как вид». Мужчина не хочет ни за что нести ответственность. В качестве «героя» его нет ни в одном из текстов сборника. Он находится где-то на задворках бытия, на краешке сознания, а женщина выступает в роли такого «тихого подвижника», который вытаскивает этот мир на своих хрупких плечах. Причем я не специально собирал тексты только с таким смыслом, а просто отобрал самые лучшие рассказы, перечитал их и ахнул: какой все-таки ужасный мир! И мы, как представители сильного пола, предоставляем слабому полу тащить всю жизнь на себе...

Марина Степнова:

Но что бы мы делали без мужчин! Я хотела бы поблагодарить читателей, что здесь собрались. Редкое удовольствие слушать Захара, как и читать его. Вообще, очень приятно видеть и слышать тех мужчин, которых, по его словам, недостает... Сборник «14» увидел свет уже после того, как вышла моя книжка «Женщины Лазаря». И я получила огромный ушат негодования от дам-читательниц и, в еще большей степени, от дам-критиков: «Опомнись, женщина! XXI век на дворе, а ты призываешь нас всех варить борщ, ждать мужчин с войны — и еще говоришь, что это большое удовольствие!» Но я готова подтвердить, что (как для мужчины, так и для женщины) самое лучшее и единственно возможное и, вообще, самая разумная форма существования — это Семья. Она может состоять и из двадцати человек, и из двух. Может состоять из

одного человека и фикуса — если ты действительно его любишь и он отвечает тебе взаимностью. Но потребность заботиться о ком-то, в первую очередь «самим» заботиться о ком-то, — базовая потребность человека. Что такое семья? Место, куда ты приносишь больную лапу. Если такого места у тебя нет, если никакой фикус не ждет тебя на подоконнике — ужасно. Мы стали забывать об этом, работая, сводясь, разводясь... Да, пятьдесят лет прожить с одним человеком — это подвиг и не всегда радость. Но жить в полном одиночестве, заботясь только о том, чтобы вкусно накормить себя самого и чтобы за самим собой как следует поухаживать, — это настоящая трагедия. Поэтому очень хочется, чтобы у каждого было о ком заботиться... И в молодости, и в зрелости, и в старости. И тогда у всех — у женщин и у мужчин — все будет хорошо. И Домострой тут ни при чем.

Андрей Архангельский:

Человеку нужно заботиться о ком-то, а критику нужно заботиться о писателе, чтобы тот «не закис», «не зажил». Знаете, Прилепин обласкан критикой, с него, можно сказать, если не начался определенный этап в современной литературе, то уж массовый интерес — точно. Но это дело прошлого. И с тех пор он ушел далеко, он развивается... Но к чему я клоню: на литературных встречах меня всегда несколько угнетает такая «благостная» атмосфера. А ведь Захар — очень открытый писатель, его проза приглашает к разговору, к спору... Давайте воспользуемся такой возможностью. Например, в советское время, если и было что-то хорошее (я — ярый антисоветчик), так оно касалось общения людей, всех гуманистичнее, всех тех, кто назывался «интеллигенцией». Большое количество умных, образованных, обаятельных людей сбивались в «кучки» или кружки. Я бы хотел, чтобы наша встреча не превратилась в раздачу комплиментов или в лучшем случае — в уточнения, кого имел в виду автор под именем того или иного героя. Я хочу, чтобы подобные встречи с писателями происходили в энергичной и критической атмосфере. Прилепин, конечно, как любой писатель, нуждается в комплиментах, но, может быть, в большей степени он нуждается в ваших советах. Поэтому вы, читатели, нужны нам как соучастники, как зрители...

Захар Прилепин:

Подельники!

Андрей Архангельский:

Давайте сделаем это вместе и поговорим серьезно. Не только о Прилепине, а о литературе вообще. Мы готовы сыграть в эту игру, но важно, чтобы и вы тоже в нее сыграли. Спасибо...

Захар Прилепин:

Расскажу про недавний свой жест: я написал «Письмо товарищу Сталину от лица либеральной интеллигенции», которое было опубликовано в Интернете и разошлось по десяткам сайтов и самым разным изданиям. Порядка 10 000

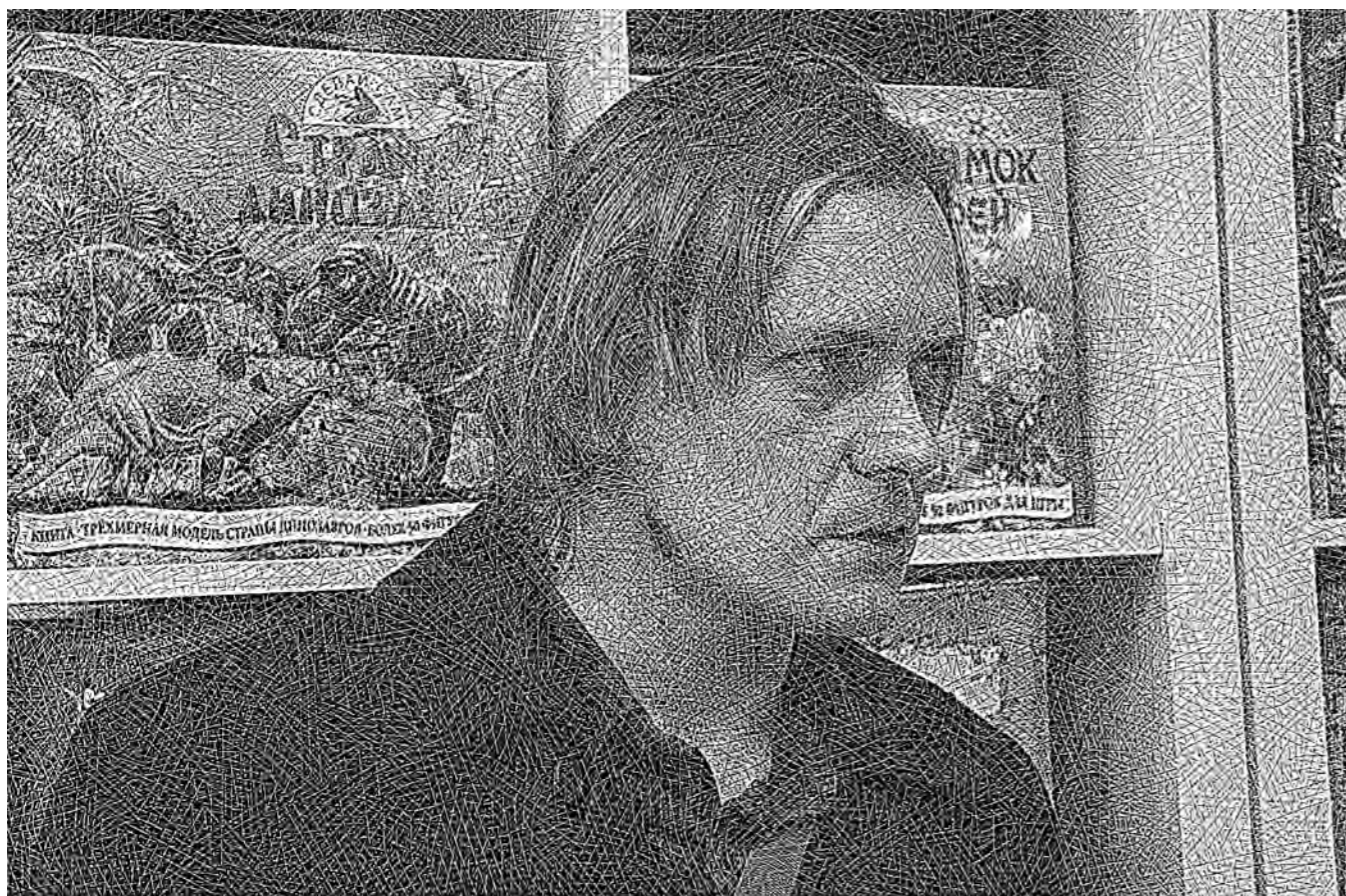
записей в блогах, огромный ворох благодарностей, ненависти, желания разорвать меня на куски, желания обнять и прижать к сердцу... Смысл письма вкратце следующий: «Товарищ Сталин (пишет либеральная интеллигенция), мы растащили и пустили по ветру наследство, созданное тобой, мы обязаны тебе всем, да будь ты проклят». И далее подробно эти мысли разъясняются. Такое примерно содержание. Это в гораздо меньшей степени было провокацией, а скорее попыткой сбалансировать не только мои

личное, трудное, но это есть история моей страны, к которой, хоть и болезненно, я отношусь, как к родной, органически присущей мне как человеку. И в этом смысле бесконечное юродство и пляски на гробах в какой-то момент стали вызывать у меня уже психическое бешенство. Так или иначе, на эту тему я высказывался постоянно — и вдруг этим летом у меня возникло «Письмо». И тут включились уже не политические процессы, а в моем случае процессы личностные. 7 июля 2012 года мне исполнилось 37

личные ощущения от происходящего в стране, но и вообще сбалансировать то количество негативной информации по поводу пресловутой советской власти, которую я и все мои знакомые получаем довольно продолжительное время. Россия, на мой взгляд, страна скорее левоконсервативных взглядов. И вместе с этим мы находимся в формате медиа, которые на 90% транслируют либеральные ценности, демократические, буржуазные, — так или иначе имеющие ярко выраженный антисоветский тренд. Мне это всегда казалось странным, что главные «говорящие головы», представители медиа, «познеры-сванидзе» и т.д. и т.п. — все-все негативным образом трактуют историю России XX века. Она, безусловно, сложная, во многом чудовищная. Отношение мое к Сталину болезнен-

лет, я вошел в ключевой возраст русского литератора. Пушкина в 37 лет застрелили на дуэли, а Маяковский сам застрелился. И, видимо, подсознательно — так я пытаюсь объяснить свой жест — у меня появилось желание провести «ребрендинг», полностью видоизменить свое присутствие в литературе. Я захотел совершить какой-то жест, чтобы содрать с себя эту сладкую вату. И написал письмо Сталину. После чего Михаил Швыдкой ответил, что Захар «больше не русский писатель», Шендерович обвинил меня во всех смертных грехах, Иртеньев буквально вызвал меня на дуэль. Ну и, помимо всего прочего, в мою поддержку поступило огромное количество приветов, звонков и написана масса статей. Вышло так, что, по сути, я расколол российское общество надвое...

Для меня это письмо стало уникальным эстетическим жестом принародного суицида. Я его совершил для того, чтобы, как Конек-Горбунук, восстановиться и снова прийти и — есть такое замечательное лимоновское слово — «навязать» себя. Всех тех людей, которые больше «знать меня не знают» и для которых я больше не русский писатель, — я заставляю со мной считаться, вопреки всему. В связи с этим прозвучала замечательная точка зрения одного из ультраквасилиберальных журналистов, который сказал, что «Прилепина ждет судьба Распутина и Белова, больше такого писателя не будет». Хотя Распутин и Белов, на мой взгляд, — оба «классики». А мой ответ таков: и я буду, и Распутин будет, и Белов тоже будет — никуда мы не денемся и будем произносить то, что мы произносим, а вы будете нас слушать. Разумеется, это я сейчас обращаюсь не к залу, а к некоторым своим оппонентам...

А публицистике меня научил (негласно, не говоря об этом) Дмитрий Львович Быков. Мой ближайший товарищ, человек, которого я очень люблю и ценю. И наблюдая за его жизненным путем, я понял, что самое важное, чем мы занимаемся — чем я занимаюсь, — это сочинение прозы: романов, рассказов и прочих повестей. Но для того, чтобы ту прозу прочитало какое-то количество людей, —

желательно, чтобы оно было большим, чтобы оно было весомым, — нужно заниматься множеством разнопорядковых и сложных вещей. Вот Быков ведет четыре программы на радио, три программы на ТВ, пишет колонки в сотне журналов, сочиняет «Гражданина Поэта», ездит по всей стране, участвует во всем, в чем можно только участвовать, — и, кроме всего этого, он убедил людей читать его романы. И я, глядя на Быкова, тоже решил писать колонки везде и всюду, тем более что их заказывают...

Первый читатель:

Впервые я услышала вашу фамилию четыре года назад от нашего любимого Олега Табакова, который на канале «Культура» признался, что ведет переговоры с Захаром Прилепиным о постановке спектакля по роману «Санькя». Я удивилась: «Ах, сам Табаков?!» И хотела задать вам вопрос: как у вас сейчас складываются отношения с театром?

Захар Прилепин:

Да уж, Табаков удивил меня не меньше, чем вас. В тот самый момент я стоял в очереди в банке — и тут звонит этот гениальный голос кота Матроскина и говорит: «Захар! Я Олег Табаков. А давайте поставим ваш спектакль!» Я чуть тогда не рухнул прямо на пол... Поставить спектакль по роману «Санькя» про молодых современных революционеров, которые все крушат, ломают в нынешней России,

да еще в самом МХАТе, крайне сложно. Не скажу, что у нас свирепствует цензура, но все же!.. Мало того, очень трудно представить актеров МХАТа с их хрестоматийной постановкой взгляда, голоса и жеста в ролях юных экстремистов и негодяев. И поэтому Кирилл Серебренников, молодой режиссер, работавший тогда в театре Табакова, предложил набрать новый театральный курс и специально на Малой сцене поставить спектакль по «Санькя» и назвать его — «Отморозки». Тут два смысла: один — совершенно очевиден, а другой в том, что это рассказ о людях, выросших в состоянии некоторого «социального мороза». И спектакль был поставлен, надеюсь, в ближайшее время выйдет на диски. Сам я от него в абсолютном восторге. Причем это ведь не первый спектакль по «Санькя», были и постановки в провинциальных театрах, но там не справились... А «Отморозки» Серебренникова получили «Золотую Маску» как лучший спектакль в прошлом году. Сейчас он идет не во МХАТе, а в театре «Платформа», есть такая «театральная площадка». И время от времени Кирилл возит спектакль по стране... И еще недавно режиссер театра «Предел» Владимир Дель поставил спектакль по моей повести «Допрос». На сцене два актера и никакого реквизита. Я его посмотрел — он меня просто «пробил» до глубины души, актеры выложились на двести процентов. Скоро мы будем презентовать его в Москве и Питере. Возможно, и в Челябинск его привезем. Спектакль совсем уж бюджетный — всего два актера. И я даже могу не приезжать. Хотя приеду, конечно, — мне интересна ваша реакция.

Второй читатель:

Тут Андрей предлагал придать встрече критическое направление. Поэтому я бы хотел узнать его мнение о книге «Патология».

Андрей Архангельский:

«Патологию» я считаю, наверное, самым замечательным произведением Прилепина. Ну, еще, может быть, «Грех» с ней поспорит. Это мои любимые вещи. Но я хотел сказать не об этом. Захар говорил о реакции на «Письмо», о том, что некоторые люди от него попросту отвернулись. Для них это стало настолько сильным ударом, что они испугались. Испугались упоминания имени Сталина в каком-то благородном, серьезном, проблемном контексте. Вот это именно и говорит об абсолютном раздвиге среди интеллигенции. И об отсутствии их интеллектуальной крепости. Те самые либералы, интеллектуалы, о которых говорит Захар и которые испугались разговоров о Сталине, показали самих себя, а не уязвили автора письма. С Прилепина что взять? — это его убеждения, он об этом говорит открыто. А большую озабоченность вызывает именно реакция публики. Это страх ребенка, который боится тени на окне, боится раздвинуть шторы, боится задуматься над тем, чего он боится. Вот именно этот страх говорит, что разговоры о Сталине не закончены, его осуждение в душах людей не свершилось. И этот вопрос необходимо решать. Иначе мы

просто не сможем пойти дальше. Я лично считаю — это моя твердая позиция, — что о Сталине, как и о Гитлере, говорить больше нечего. Не имеет смысла придавать ему дополнительной сложности. Был злодей-садист, который уничтожал людей. И все. Кончено. Ясно. Мы не можем интеллектуально его осмысливать, мы должны это принять.

Второй читатель:

А, между прочим, рыба в реках водилась во времена Сталина!

Андрей Архангельский:

Если бы вы только знали, сколько раз я слышал именно этот аргумент! А теперь еще вспомните, что многое тогда стоило дешевле... А скажите, свобода вам дорога?

Второй читатель:

А вы мне ответьте на такой вопрос: вот тогда наказывали жестко невиновных, зато сейчас не наказывают никого. Что, безнаказанность — лучше?

Андрей Архангельский:

Ну, сейчас же не расстреливают, правда? Без суда и следствия. Не приходят к вам с обыском... Нельзя такое сравнивать.

Марина Степнова:

Я ничего не хочу говорить о Сталине, только отмечу, что вокруг творится не полная безнаказанность, а все гораздо хуже, чем, возможно, было при Сталине. Просто мы, здесь сидящие, не попадали под эти зубцы. Мой коллега по работе, юрист, рассказывал, что, когда он учился в юридической академии, им читал лекции судья с 25-летним стажем. И он признался, что за все годы работы не вынес ни одного оправдательного приговора. Он даже понятия не имел, как это делается. Просто-напросто «шаблона» не было. То есть беззаконие как было, так оно никуда не делось, просто перешло в другие формы — разве что расстреливать перестали. Самое печальное, что существует два закона: закон для некоего гражданина, занимающего важный пост, которого обвиняют, и он признает свою вину в нескольких изнасилованиях, — за что ему дают условный срок. А за какую-то совершенную ерунду человека, к примеру, не члена партии, не депутата какого-нибудь, — упекают на немислимый срок, превосходящий даже требования УК. Что такое справедливость? Суд должен быть один для всех! США — очень сложная страна, я вовсе не любитель Америки. Но у них племянница действующего президента была задержана за рулем в пьяном виде — ну, выпила девочка немножко, и она провела в участке столько времени, сколько было положено, а потом отработала, что положено, на общественных работах. Что самое грустное — я даже в бредовом сне не могу вообразить нечто подобное с племянницей нашего президента. Даже если бы она вздумала пить кровь христианских младенцев на Лобном месте! Это — страшно. Страшно не просто «жить», а страшно «стареть» в этой стране. Будто бы в ад смотришь.

Третий читатель:

И мне невозможно откеститься от этих тем... Сейчас я увлекся историей Древнего Рима — и чем дальше углубляюсь в нее, тем больше нынешнее время мне напоминает закат Римской империи. Честное слово! Помните, в советское время любили сравнивать все с Россией 1913 года? Прошло ровно 100 лет. Сколько бы мы ни ругали Сталина, сколько бы ни сравнивали с 1913-м — для этих эпох характерно ощущение целостности государства и идеологической ясности. И плюс — осознание «мессианской роли Российской империи — спасительницы всех народов». Да еще колоссальная территория, кстати, по масштабу сопоставимая с Римской империей, которая пала-таки под ударами варваров. И мы неминуемо катимся к тому же. На мой взгляд, распад России неизбежен. Неизбежна и Третья мировая война, в которой, дай Бог, Россия непосредственно не будет участвовать. В связи с чем нынешняя наша власть пугается и прячется. Президент пытается предпринять какие-то чудовищные усилия понравиться всем, выглядеть эдаким «душкой» для всех. Ну, типа, если мода на «мачизм» уже прошла, теперь надобно ставить на крыло стерхов и спасать тигров. Этим ли должен заниматься лидер страны, если он хочет сохранить ее целостность? Это мне напоминает Нерона в цирке, который поет накрашенный... В воздухе — ощущение катастрофы. Зреет чудовищная ситуация, из которой нет выхода. Его нет, потому что нет идеологии и национальной идеи. Ради чего и кого брать в руки оружие? Ради Дерипаски с его алюминием? Или ради Абрамовича с его яхтами? И отсюда такой вопрос: может ли, скажем, Православная церковь стать каким-то системообразующим фактором, провозгласить какую-то духоподъемную идеологию?

Андрей Архангельский:

Может ли церковь родить нам национальную идею? Я, как атеист, считаю, что религия — полный тупик. Тем более что наши церковные иерархи только за последний год натворили такого!.. Я, правда, не знаю, что думает об этом Прилепин...

Захар Прилепин:

Я считаю, что не нужно переключиваться на церковь обаятельности, связанные с социумом. Церковь должна вести «жизнь духа», никакого вреда от церкви нет, сколько бы какие-то отдельные священники ни совершали греховных проступков. Я воцерковленный человек, мои дети и жена ходят в церковь. Проблема неприязни нашей обществу к этому институту и православию мне не понятна физически. Если вам эта церковь не нужна, то кому-то она сильно нужна. Кто-то хочет быть атеистом — да ради Бога. Все отдельные эксцессы, связанные с церковью, — это всего лишь эксцессы, они никак не отменяют Новый Завет. Наши либералы вспоминают про церковь только тогда, когда говорят о священниках, расстрелянных при Сталине, — вот тогда они за

церковь всей горой. В остальное время она им как-то перевернула душу. Церковь не даст стране идеологии — она занимается другими вещами.

Пункт второй: я вообще не уверен, что Россия нуждается в создании какой-то постоянной идеологии, совокупности идей, которые всех нас должны сплотить. Да их не так много и было. «Москва — Третий Рим», «Православие-Самодержавие-Народность», сформулированная Уваровым, ну и большевистская идеология — все! И на тысячу лет нам хватило! Зачем каждые тридцать лет придумывать какие-то новые парадигмы? У нас есть другие проблемы — география и демография. Нам надо нарожать побольше людей, чтобы было кому сберечь землю, доставшуюся от предков. Вот и все! Для этого любая концепция подходит: левая, правая, либеральная — что угодно! Ради того, чтобы здесь рождались дети и наша территория никуда не исчезла. Я думаю, что новые вызовы, которые ставит перед нами мусульманский мир, или США, или Китай, связаны с их мировой экспансией, в том числе включающей в себя задачи новых территориальных обретений. Это новое наше состояние — не знаю, белых, черных, желтых, но для нас — варваров... И в этой ситуации мы типа падаем на спину и соглашаемся: мол, все распадается — ну и мы тоже распадемся. Какого черта? Здесь все пропитано кровью на двадцать метров вглубь, и нашим предкам в голову не приходило, что нам придется распасться. Нет, они ползли дальше, на Аляску, еще куда-то... Не знаю, может, это Бог остановил Россию — ведь мы могли и Америку с Канадой захватить, и вообще бы закончили свой поход где-нибудь на Кубе в 1911 году. Но не сложилось, нам и этой территории хватило выше крыши. Так давайте ее сохраним.

Андрей Архангельский:

Я хотел бы поблагодарить читателя за очень точный анализ и современной ситуации. Даже несмотря на какое-то несогласие с ним. В советское время было такое выражение: «первый читатель». Вот сейчас, в нынешнее время, быть читателем — более сложная задача, чем быть писателем. Писателей много, а читателей — все меньше. Я вас благодарю.

Четвертый читатель:

Захар, есть ли вам что сказать детям, может быть, какие-то мысли писателя, или посоветуете что юному поколению?

Захар Прилепин:

Я не тот человек, у которого есть что сказать чьим-то детям, помимо своих. У меня их четверо — и мне есть что им сказать. А рос я так: мой отец, ныне покойный, за всю жизнь со мной ни разу не поговорил, как в советских фильмах или книжках, — «по душам». Типа «ну что, сынок...» Не было ни одного такого разговора. Может, эта модель не очень верная... Но я своего отца ви-

дел восемнадцать лет — и ни разу, сколько себя помню, не усомнился в том, что он мужчина. В любом случае поведение матери и поведение отца есть лучшее воспитание. Основная проблема нынешних детей — в полном отделении риторики от практики, что мы видим как в современной российской политике, так и в поведении родителей. Я иногда хожу на школьные собрания и вижу по лицам многих родителей, что они ничего не читают, что они ведут какую-то другую жизнь, совершенно параллельную тем ценностям, которые они пытаются навязать своим детям. И, соответственно, дети получают «вот такие». Не с детьми надо разговаривать — а с родителями! Дети зависимы от родителей, они снимают их поведение. Есть у нас мужик один, начальник местного ФСБ, — это лицо, эти ноги расставленные, как будто бы у него водянка, он сидит так — типа он король мира. И сын у него — один в один, копия своего отца. Все! Что я ему скажу: «Не будь таким, как твой папа»? Я же не могу такое сказать. Поэтому никуда не денешься, надо с родителями разговаривать и какие-то вещи им объяснять. Обращаюсь к родителям: выключите телевизор, сломайте антенну, выбросите в окно — дома должны находиться книжки.

Четвертый читатель:

Какие книжки?

Захар Прилепин:

Какие книжки? Нормальные! Бумажные! Если ребенок видит книжку с года, с двух лет, если он чувствует плечо отца, руки матери, запах родителей — и родители читают ему книжку, он запомнит, что первую радость, первый катарсис он испытал с книжкой! И никогда от нее не оторвется. Если вы вставили аудиодиск и ушли ругаться на кухню с женой, то вы потеряли ребенка. Он читать не будет никогда. Все очень просто! Сейчас мы все такие занятые, не до книжек, есть «другие более важные занятия» — и что? А ведь люди гуманитарной культуры — это самые важные люди в истории человечества. И детям это надо передать. Не будет телевизора, и Интернет будет по два часа в день — пошлетесь по квартире и за книжку возьмется. А если телевизоры на кухне стоят, во всех комнатах, в туалете, то, конечно, ребенок будет находиться в «поиске удовольствий» — нажать кнопку и испытать радость. Почему не читают? Потому что не получается мгновенного удовольствия, как в компьютерной игре. Известен эксперимент с крысой, перед которой поставили кнопку: она ее нажимает и получает оргазм. Пока пена изо рта не полезет... Вот примерно так мы воспитываем своих детей — получить максимальное удовольствие от жизни. Нет, все идет через «преодоление», безусловно. Вот такая проповедь для родителей.

Четвертый читатель:

У вас, как у родителя, не возникают проблемы со школой?

Захар Прилепин:

Со школой или детьми в школе? Никаких проблем нет. Да, есть несколько учителей, которые мне не очень нравятся, но есть и те, что очень нравятся. В любом случае я убежден, что самое важное в воспитании ребенка происходит в семье. Девяносто процентов самого важного, случившегося со мной в жизни, я получил не социализируясь. Я даже написал статью, что пресловутая «социализация ребенка» не настолько важна, как кажется. Где социализировался Лев Николаевич Толстой, например? Жил с тетками, с няньками — а потом вдруг вырос в отличного мужика, офицера, способного командовать другими мужиками или своим поместьем заправлять. Или Михаил Юрьевич Лермонтов — он что, где-то «социализировался»? Да нигде! Половина русской аристократии никакой социализации не получала, она, может, видела через забор каких-то пацанов... Вот такая «социализация». Я осмысленно своих детей периодически увожу в деревню. До последнего времени — трое были дошкольниками, когда старший уже ходил в школу. Но я просто забираю его на полгода из школы и отвожу в деревню, где вообще никто не живет, где только мы — ну и еще три дома. И мы жили в лесу, на берегу реки, потом ребенок возвращался, сдавал все экзамены экстерном, как правило, на «пятерки» — и все чувствовали себя нормально. Дома нет ТВ, нет Интернета, нет мобильной связи — есть только папа, мама, книги и домашние животные. И лес вокруг, и река. И все мои дети, когда вернулись в город, не стали кричать: «Во-от, телепузики!» Они ничему не удивляются, они уже все обо всем знают. Общение с родителями — куда более важная социализация. Я воспитывался в своих крестьянских родах, у меня отец из липецкой, а мать из рязанской деревни. Я — горожанин в первом поколении. И это все советское время, которое Андрей так не любит, — но для меня оно связано не с советской властью, а с возможностью огромному количеству людей собраться — детьми, братьями, сватьями — за одним огромным столом. И этот крестьянский уклад, крестьянская речь — довольствие огромной жизни и пространства — впитались у меня в плоть и кровь. И я хочу хоть как-то передать это чувство своим детям. Возвращаясь к вашему вопросу о школе — понимаете, не стоит преувеличивать прелесть детей и детского общения. Вот если у них родители полные чуваки, что мы от детей хотим? Дети не святые существа, в них тоже много жестокости, пошлости и всякой дряни, но пусть они лучше общаются с родителями, с братьями и сестрами, дай Бог, чтобы они рождались. Я не придаю большого значения школе, но мои дети учатся довольно хорошо. Потому что они книги читали с детства, мозги у них развились, но если что-то там, в школе, не пойдет — ничего страшного, потому что самое важное я дам ребенку сам. Вот! **бк**